

— Большой брат боится холода? Не бойся, попрыгай — и не будет холодно. — Раздевшийся догола Лу Фань для примера несколько раз подпрыгнул на месте. Маленький бугорок внизу покачивался в такт его прыжкам, от чего у Се Чэньцзе на лбу выступили чёрные линии.

— Ладно, давай быстрее мойся, а то ещё простудишься. — С этими словами он взял Лу Фаня на руки и сунул в бочку с водой, вызвав у мальчика взволнованный возглас.

— Большой брат не будешь мыться? Вода из колодца только что набрана, она тёплая, если постоит — остынет. — Увидев, что Се Чэньцзе не двигается, Лу Фань не удержался и заговорил, но, поймав его строгий взгляд, больше не стал настаивать и принялся спокойно мыться сам.

Се Чэньцзе помылся только после того, как закончил Лу Фань. Из-за холода он лишь быстро обтёрся и на этом закончил. Когда он, уже одетый, вышел, Лу Фань уже стирал одежду во дворе.

Вся одежда была в пятнах крови, Лу Фаню приходилось тереть изо всех сил, его маленький ротик тяжело дышал. Се Чэньцзе не смог смотреть на это равнодушно, подошёл и отнял у него работу.

— Иди посиди в сторонке!

Се Чэньцзе с детства был избалованным юным господином, ему подавали одежду и еду, его десять пальцев абсолютно не касались тяжёлой работы. Когда же он мог заниматься такой грубой работой, как стирка? Но если не ел свинину, то хотя бы видел, как бегают свинья! Потрёшь тут, потрёшь там, ещё пару раз наступишь ногой — и готово!

Хм, хотя, кажется, кровь на одежде так и не отстиралась...

— Ты обычно сам стираешь свою одежду? Ты ещё такой маленький, почему не просишь помощи у семьи? — Работа по стирке выглядит простой, но на самом деле это нелегко. Руки уже растёрты до красноты, а чище не становится.

— Мой папа ушёл...

— Я знаю, твой папа ушёл на работу, твои братья очень заняты, ты уже говорил. — Се Чэньцзе в душе презрительно усмехнулся: даже если твой так называемый папа и братья не будут заняты, они всё равно не станут тебе помогать стирать! Но он не сказал этого Лу Фаню.

Лу Фань присел на корточки рядом и, наблюдая за движениями Се Чэньцзе, стирающего одежду, глупо ухмылялся, что заставило Се Чэньцзе почувствовать беспокойство.

— Ты чего на меня так глупо улыбаешься?

— Большой брат, ты хороший человек.

— Т-ты... Кому нужны хорошие люди! — Хотя он так говорил, на лице Се Чэньцзе появился лёгкий подозрительный румянец.

Когда они, помывшись и развесив одежду, вернулись, бабушка Лу уже прибралась и сушила во дворе арахис. На теле Се Чэньцзе ещё были раны. Бабушка Лу, увидев, как они заходят, передала Лу Фаню заранее приготовленную мазь и велела ему в комнате помочь Се Чэньцзе нанести лекарство.

Лу Фэй всё ещё хотел крутиться вокруг большого брата, который мог сводить его поесть мяса, но Се Чэньцзе нашёл причину оставить его за дверью.

Прибранный маленький домик стал немного чище, но из-за обилия сложенных повсюду вещей по-прежнему выглядел безнадежно захламлённым.

— Бабушка постелила новые простыни! Большой брат, подушка, пододеяльник — всё новое, хе-хе. — Лу Фань с удовольствием трогал новые постельные принадлежности. На самом деле новые в устах Лу Фаня были не совсем новыми, а просто чистыми, уже немного поношенными. На такие грубые простыни и пододеяльники из пёстрой ткани Се Чэньцзе и смотреть не хотел.

— Очень нравится?

— Угу!

Ответ Лу Фаня был твёрдым. Се Чэньцзе взял ребёнка под мышки и легко поднял его на кровать, затем, глядя в те чистые и красивые глаза, серьёзно спросил:

— Фаньфань, если тебе нравится, потом большой брат купит тебе набор в тысячу, в десять тысяч раз лучше этого, хорошо?

Два дня бегства Се Чэньцзе прошли в борьбе за жизнь, каждая минута была на счету. Теперь, когда он наконец расслабился, сон оказался очень крепким. Когда он проснулся, за окном уже восходила луна.

Потерев заспанные глаза, он увидел ожидаемую глуповатую улыбающуюся физиономию. Се Чэньцзе изогнул губы в красивую дугу и потянул за щёчку Лу Фаня:

— В будущем нужно нарастить больше мяса, чтобы на ощупь не было костисто. — Хотя на лице его было выражение полного удовольствия, слова звучали пренебрежительно.

Лу Фаню было больно от щипков, но он не плакал, лишь смотрел на Се Чэньцзе с нахмуренным личиком, отчего у Се Чэньцзе необъяснимо возникло чувство вины.

— Большой брат, пора вставать ужинать, бабушка оставила нам еду.

Люди в городке ужинали рано. К этому времени вся семья Лу, кроме ушедшего выпить с коллегами и ещё не вернувшегося Лу Хунцзюня и ждущего Се Чэньцзе, чтобы поесть вместе, Лу Фаня, уже поужинала.

Еда в семье Лу была простой: жидкая каша из сладкого картофеля с листьями батата, да ещё тушёная солонина с побегами чеснока. Эту солонину Се Чэньцзе купил сегодня в качестве подарка при первом визите.

Лу Фань налил Се Чэньцзе большую миску каши из сладкого картофеля и только потом себе — маленькую.

— Это сладкий картофель, из него очень вкусная каша получается. Большой брат, попробуешь?

Се Чэньцзе никогда не ел каши из сладкого картофеля, да и вид у этой липкой большой миски был не ахти. Есть не хотелось, но он не устоял перед полным ожиданием взглядом Лу Фаня и нехотя отхлебнул маленький глоток. Хм, вкус неплохой.

— Ты обычно это ешь? — Вкус — это одно, но если долго есть только это, питательных веществ

будет не хватать. Неудивительно, что сидящий напротив ребёнок худой, как щепка, сразу видно — недоедание.

— Сладкий картофель растёт на поле. На поле ещё несколько видов овощей посажено, мы обычно чередуем. — Отвечая на вопрос Се Чэньцзе, Лу Фань ел маленькими глотками, неторопливо, но очень сосредоточенно.

Се Чэньцзе заметил, что тот берёт только листья батата с кашей, а солонины вообще не касается, и не мог не спросить из любопытства:

— Ты что, только кашу и листья ешь? Солонина невкусная?

Лу Фань не мог радоваться жизни без мяса. Сейчас он изо всех сил старался не поддаваться искушению солониной, и ему было тяжело. Внезапный вопрос Се Чэньцзе заставил его растеряться, взгляд прилип к тарелке с соблазнительной солониной, а слюна так и капала.

Се Чэньцзе смотрел на это со смехом и сам положил ему кусочек:

— Ешь. Когда съедим, завтра ещё купим.

— Но папа ещё не ужинал, бабушка... — Лу Фань замялся. С одной стороны — соблазн вкусной еды, с другой — боязнь, что бабушка расстроится, если узнает. Он склонил голову набок, подперев подбородок палочками для еды, и так нахмурился, что, казалось, мог раздавить комара.

Се Чэньцзе отлично понимал, в чём он сомневается. Ему было одновременно смешно и почему-то кисло на душе.

— Ешь. Когда доедим, я скажу бабушке, что всё доел я.

Хотя Се Чэньцзе взял вину на себя, Лу Фань не стал есть от души. Он съел несколько кусочков и перестал, объяснив, что папа ещё не ужинал, и нужно оставить для него. Се Чэньцзе разозлился и рассмеялся, только щипая его за щёку, чтобы выпустить пар.

Скользкое ощущение действительно может вызвать привыкание.

В душе Се Чэньцзе не мог не вздохнуть.

Глубокой зимней ночью ветер свистел. Не могший уснуть Се Чэньцзе перевернулся и потревожил свернувшегося рядом ребёнка.

Лу Фань с закрытыми глазами выполз из-под одеяла, в полусонном состоянии:

— Что такое, большой брат не может уснуть? Хочешь, я расскажу тебе сказку про утёнка?

Услышав это, Се Чэньцзе снова покрылся чёрными линиями. Он что, трёх-четырёхлетний ребёнок, что ли? Чтобы уснуть, ему нужно, чтобы кто-то рассказывал сказки? Да ещё чтобы этот кто-то был настоящим трёх-четырёхлетним ребёнком! Но сейчас Се Чэньцзе мучился от сильного расстройства желудка, волны боли не давали ему возможности спорить с Лу Фанем. Дело было важное.

— У меня болит живот, нужно в уборную.

Услышав, что у Се Чэньцзе болит живот, Лу Фань мгновенно проснулся. Он спрыгнул с

дощатой кровати, встал на цыпочки, чтобы включить свет, затем вернулся посмотреть на Се Чэньцзе.

— Очень болит? Я позову дядю доктора.

С этими словами он уже собрался бежать за врачом, но проворный Се Чэньцзе вовремя схватил его и притянул обратно.

— Не нужно так сложно. Фаньфань, просто скажи мне, где здесь уборная.

— Уборная? — Возможно, если бы Се Чэньцзе использовал слово туалет, Лу Фань сразу бы понял. К сожалению, он использовал слово уборная, незнакомое Лу Фаню, поэтому малыш смутился. — Если болит живот, то в уборной станет лучше?

Сильно страдающий Се Чэньцзе не заподозрил ничего, лишь поспешно кивнул.

— Но что такое уборная?

Обнаружил, что отложенная публикация действительно не отправляется. Если бы не пришла внезапная мысль проверить, то сегодня был бы перерыв в обновлениях. Проклятая цензура.

<http://bllate.org/book/15601/1391447>